

© 2018 г.

А.В. ЯКОВЕНКО

БЕССМЕРТИЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

ЯКОВЕНКО Андрей Вячеславович – доктор социологических наук, профессор, кафедра социологии Луганского национального университета им. В. Даля, Луганск, Украина (daoav@rambler.ru).

Аннотация. Внимание социологии непосредственно к «технологиям бессмертия» обосновывается тем, что такого вида разработки все чаще становятся значимыми аргументами политического, экономического и социального порядка независимо от их реальной результативности. В последнее время обсуждение данной проблематики сформировало своеобразную среду ожидания. Полемику в отношении возможности достижения управляемости жизненным ресурсом интеллектуально-физического существования предлагается рассматривать в качестве показателя готовности/неготовности человечества к качественным социальным изменениям. Прогнозирование потенциальных последствий возникновения «социума бессмертных» не способно выйти за рамки страхов, вызванных пониманием фундаментализма меркантильных и узкопрагматичных оснований существования индивида и общества. Оправданными представляются опасения о существенной вероятности использования прорывных нововведений в сочетании с другими инновационными достижениями для создания своеобразного нейроталитарного общества. Заостряется внимание на отсутствии достойных практик, альтернативных иерархической структурированности общественных связей и отношений. Подчеркивается в очередной раз, что общество с возможным внедрением «технологий бессмертия» не будет ни постгуманистическим, ни постчеловеческим, выбирая исключительно перспективу или собственно человеческого, или абсолютно бесчеловечного существования, включая вариант исчезновения человечества.

Ключевые слова: бессмертие • страх • интересы • иерархии • личность • человечество

DOI: 10.31857/S013216250002437-3

В поле активной широкой дискуссии современной социологии и иных наук гуманитарного профиля недостаточно представлена актуальная тема, постепенно переходящая из разряда фантазмагорических в стадию едва ли не прикладных: открывающаяся перспектива, как минимум, сознательно управляемого значительного продления физических параметров существования человека и, как максимум, – достижение бессмертия. Отсутствию заинтересованного обсуждения способствуют оправданные предостережения и традиции предметно не рассматривать проблемы, лежащие на грани околонуточных. Но сегодня именно наука дает поводы отчетливее оценить высокую вероятность реализуемости некогда фантастических предположений о бессмертии.

Весьма симптоматично, что на недавних профессиональных форумах, в частности, на XIX Харчевских чтениях (октябрь 2017) и VIII Грушинской конференции (апрель, 2018), среди выступлений данная тематика звучала [Романовский, 2018; Халевкин, 2018]. Была опубликована статья, в которой приводились результаты

эмпирических замеров мнения неких молодежных групп в отношении радикальных перспектив, вырисовывающихся на базе предполагаемого массового внедрения биотехнологий, способных привести в том числе и к «неограниченному долголетию» [Луков, 2018]. Тем не менее до настоящего времени анализ развития такого рода инноваций, их влияния на кардинальную переформатировку социальных отношений находится в арьергарде социологической мысли. По понятным причинам на данном поприще нет классических теорий, наборок, концепций. Традиционно много ссылок делается на публикации Р. Курцвейла. Они, однако, носят скорее просветительно-пропагандистский характер, преимущественно демонстрируя позитивные стороны достижения бессмертия.

Цель статьи заключается в обобщении социальных проблемных моментов, способных проявиться – и уже отчетливо обозначившихся – в результате возможного успешного внедрения нововведений, позволяющих обеспечить беспредельное жизненное существование индивидов.

Бессмертие как формирующаяся социальная потребность. Необходимо считаться с тем, что на сегодняшний день бессмертие, даже несмотря на острую полемику вокруг самой возможности его достижения, неуклонно становится потенциальной социальной потребностью. Относительно его производятся произвольные или абсолютно осознанные просчеты, строятся предположения. В общественную среду вбрасываются информационные сообщения не только об исследовательской деятельности в данной области, но и выжимки экспертных суждений о характеристиках перехода в активную фазу широкого, а то и повсеместного внедрения результатов прорывных открытий. Называются конкретные даты, весьма вероятно – ошибочные, когда технологии смогут быть воплощены. Независимо от степени веры-неверия в подобные новации противоречивая мечта-проклятие человека из разряда мифа перешла на уровень тревожно-соблазнительного ожидания. Фактически имеет место прагматизация феномена, т.е. пристрастный учет бессмертия в качестве реального атрибута не сверхотдаленного будущего. Воспринимаемой становится до недавнего времени сюрреалистическая фраза «дожить бы до бессмертия», равно как и, напротив, «только бы не дожить до бессмертия». В любом случае мы имеем дело с социальной действительностью, в которой подобный сценарий больше не оценивается как исключительно несбыточный.

При этом, в рациональном звучании сообразно с нынешней обыденностью идеальная компоновка представлений о качественном бессмертии включает в себя преимущественно желаемость постоянного и «неувядающего» сохранения: а) внешней привлекательности, б) физических сил, в) интеллектуального здоровья и г) репродуктивной функции со всей приятной атрибутикой чувственности. В идеале речь идет о неограниченно долгом высокоуровневом сохранении социального самочувствия человека – физически и умственно. Критики, напротив, предпочитают говорить об утрате привычных черт и качеств человека в случае реализации «технологий бессмертия», предрекая, например, перевод его в «цифровой формат» и отказ от естественных форм размножения.

В любом случае понятно: бессмертие – предельная «технология» именно по причине ее беспредельности, несоразмерная ни с чем из самых передовых нововведений в любом из видов и категорий. Очевидно осознание: речь может идти о кардинальном перевороте всей практики социального развития.

Сложности восприятия реалистичности осуществления «технологий бессмертия». Характерные существенные препоны для более качественного и заинтересованного обсуждения перспектив формирования общества, в котором люди оказываются способны контролировать и даже наделять беспредельностью собственный ресурс продолжительности жизни, можно распределить по трем наиболее отчетливым категориям:

Социальные. Перманентная череда социально-политических, финансово-экономических и локально-военных кризисов с угрозой их перехода в тотальную войну, в том числе из-за случайных факторов, создают скептический фон для размышлений

на тему сколько-нибудь созидательного будущего. Хотя вряд ли опасность самоуничтожения человечества когда-либо выступала весомым аргументом игнорирования вероятности иных траекторий социального развития. И тем более, как демонстрирует практика, она не ограничивает ученых, государства и частные корпорации в осуществлении исследовательских проектов по рассматриваемому направлению. Напротив, всем понятно, что на этом поприще ведется не менее острая конкурентная борьба, нежели в области создания сверхоружия различных видов и модификаций.

Индивидуальные. Наша предметика жизни связана с фактом ее конечности. Внутренняя ритмика, комплексы, пороки и значимые поступки соизмеряются с быстротечностью пребывания в материальном мире. Принять, пусть гипотетически, иную реальность пока практически невозможно. Вся социальная и личностная некрофилия, равно как и особая острота любви к жизни, базируется на акте смерти. С допущением бессмертия рушится остов самовосприятия и неизбежно поднимается вереница сомнений, которые традиционно называются ценностно-смысловыми. Финальность социального существования позволяет нам, в конце концов, сравнивать судьбы, сопоставлять удачи, неудачи и варианты конечного итога.

Однако и здесь можно возразить, что «привычка быть смертным» отнюдь не означает полный отказ от желания ее преодолеть. Напротив, имеет место отчетливый парадокс, т.е. высказывание противоречивых и даже противостоящих друг другу мнений [Тощенко, 2001: 62], когда одновременно возникает масса опасений и тревог вдруг оказаться частью «общества бессмертных» и наряду с этим просчитываются выгоды личных вариантов такого рода перспективы. Применяя характеристику, которую приводят авторы книги ««Нормальная аномия» в России и современном мире», можно сказать, что здесь смешивается эдакая «рискофобия (боязнь «побочных потерь» от «гипотетических» рисков) и рискофилия (надежда, что предпринятый риск может принести желаемый результат)» [Кравченко, 2017: 73].

Культурно-религиозные. Более чем деликатно вопрос о «технологиях бессмертия» видится с позиций доминирующих религиозных доктрин. Для них бессмертие – субстанция не физического порядка. В иудейско-христианской традиции, как известно, имеет место прямое нежелание Абсолюта допустить приближение человека к древу бессмертия [Фромм, 2013: 223–224]. В то же время, ключевые мировые религии предлагают нам различные вариации перехода в стадию бессмертия с двумя альтернативами в виде «рая» и «ада». Возникает двусмысленная ситуация: отвергать рукотворное бессмертие, но надеяться на бессмертие и одновременно опасаться его, наступающего после акта телесной смерти, определяемого и даже внушаемого религиозными институтами.

В конечном счете, очерченные далеко не исчерпывающие причины, – лишь грани проблемы повсеместной неготовности общества достойным образом распорядиться своим интеллектуальным потенциалом, дорастающим до создания условий, способных обеспечить личное неограниченное долголетие. Речь идет о фундаментализме культуры, во многом задаваемой и определяемой тайной, страхом и «магией» смерти. В который раз, теперь еще и через проблему «бессмертия», проявляется парадоксальность наших устремлений. Одновременно ведется напряженная научно-исследовательская работа и тут же звучит беспокойность последствиями получения даже не универсального оружия, а базовых условий для, по сути, неограниченной универсальной жизнедеятельности. При этом данные инновации могут оказаться, да и изначально рассматриваются, в качестве разновидности универсального оружия.

Наиболее тонкие и обсуждаемые вопросы при просчетах вариаций установления общества с неограниченным жизненным ресурсом: а) ценностный и смысложизненный; б) институциональный; в) параметры, способы, характер контроля и управления касательно разработок и процесса непосредственного внедрения, а значит: г) уровни допусков к бессмертию: повсеместный, общедоступный или ограниченный, селективный.

Отсюда, несмотря на неоспоримую революционность, которую способен нести выход человечества на данный этап, перечень главных сомнений, предостережений,

споров в большинстве не выходит за рамки традиционных тревог и опасений по поводу внедрения революционных новаций в социальную жизнь: 1) опасность возникновения новых и/или закрепления прежних иерархий; 2) возможность использования технологий людьми антисоциальной ориентации; и как следствие: 3) высокая вероятность выхода процессов за установленные рамки, что может поставить под угрозу гибели отдельные социальные системы и планетарную цивилизацию в целом.

Это еще одна демонстрация закоснелости, консерватизма нашего сознания и правил, закономерностей, атрибутов социального взаимодействия, постоянно воспроизводящих вопросы действительно важные, но предельно утилитарные по своему основанию. Обозначается развилка: либо к более справедливым, менее конфликтным, как говорили классики, подлинно свободным отношениям, либо к жестко иерархизированному обновленному социуму, в котором будут строго дозироваться критерии и условия временных параметров существования. Последнее будет означать еще большее обострение вопросов социальной справедливости. Если удастся избежать нейрототалитарного варианта закрепления общественной иерархии, то реализацию технологий обеспечения бессмертия можно представлять только во всеобщем контексте для всего населения земли с применением обязательных и общедоступных процедур. Иначе – селекция, евгеника, расизм искусственного биотехносоциального образца и прочий перечень давно апробированных стратегий создания «идеального» порядка, привычная диктатура, стремящаяся сохранить преимущественное положение одних социальных групп над другими. Ведь такого рода технологии сложно будет удерживать в узкоограниченных зонах и «дозах» без осуществления жесточайших способов подавления воли отлученных от «бессмертия». До сих пор именно всеобщность физической смерти выступала высшим и нередко единственным критерием социальной справедливости, уравнивая все без исключения категории населения и персоналии независимо от их статуса, уровня достатка и проч. Поэтому даже предположения о нивелировании меры «высшей справедливости» не могут не вызывать общественный резонанс.

Впрочем, в каком-то смысле сегодня можно говорить о формировании почвы для неравенства на основе восприятия перспективы. Данное неравенство заключается не в степени предполагаемого доступа к передовым открытиям. Вольно или невольно осуществляется промеривание того, какие из ныне живущих возрастных категорий успеют или напротив, возможно, окажутся последними из «смертных».

«Технологии бессмертия» как фактор саморазоблачения общества. В практическом плане по-прежнему значимо отличать в полемике о бессмертии действительные опасения общегуманистического характера и реальные интересы, обуславливающие стремление блокировать или замедлить внедренческий эффект разработок по вполне меркантильным основаниям.

На каждом из уровней: общесоциальном, социальных институтов и личностном – заложены известные препятствия, напрочь блокирующие смелость предположений допустить продвижение к новой стадии развития человечества и рождающие сопротивление такому переходу, исходя из фундаментализма интересов.

Уровень планетарного сообщества. В общесоциальном плане хорошо знакомый нам мировой порядок базируется на комплексах и страхах, играет в угрозы уничтожения и получает прибыль от воспроизводства самоугроз. Как отмечалось, мировая культура определялась и продолжает определяться индивидуальным и групповыми фатумами. Политический порядок и экономическая платформа существования цивилизации во многом зиждутся на бесконечной сцепке «угроза-безопасность-угроза». Появление, пусть и малой вероятности, «технологий бессмертия» способно начать вносить разлад в устойчивую своей неустойчивостью практику удержания мирового порядка посредством фобий разной интенсивности. В заведомой социальной обреченности появляется брешь, еще один аргумент в пользу абсурдности сложившихся отношений, базирующихся на абсолютизме силовой составляющей. Если сегодня мы пребываем в состоянии борьбы за отсрочку приговора (смерти индивида, государства, земной цивилизации), то благодаря видимой реальности прикладного

воплощения «идеи» бессмертия возникает проблеск альтернативы, предполагающей перспективу не жить по категорическим принципам «после нас – хоть потоп», «история все спишет» и т.п. Равно как подтачивается фабула «жертвенности во имя будущего», до которого те, кто жертвует, обычно не доживают, а пользующиеся плодами жертвенности потомки забывают о цене, заплаченной предками.

Бессмертие потенциально прибавляет аргументов пацифистскому отношению к жизни. Ведь насильственное лишение права на существование будет означать убийство в прямом смысле личностной вечности и вечного в личности. До настоящего времени уничтожается органически конечное, которое можно воспроизвести лишь условно через родственную связь, которая также конечна и легко разрушаема. Наше мировоззрение в таком случае получает дополнительное основание стать миролюбивым, неагрессивным, умиротворенным. В настоящих условиях подобного рода подход к жизни сложно представить.

Просчеты последствий эволюционирования общества к стадии повсеместного индивидуального бессмертия инициируют еще один интересный проблемный ракурс. Во многом именно конечность бытия создает почву для исторических манипуляций. Общество зацементировано в жестких идеологемах авторитарности, базирующейся на возвеличивании одних и предании публичной анафеме других исторических деятелей, событий. Идёт постоянный диалог временно живущих с ушедшими. Бессмертие устраняет почву для заочных с исторической платформы диалогов. Высказанные идеи, теории обретут способность продолжать жить и эволюционировать непосредственно с их носителями. Не будет срока давности. Большинство тайн прошлого перестанут иметь значение и могут оказаться вскрытыми во всей их неприглядной сверхличности. Иначе они не были бы тайнами. Разорванное, фрагментированное прошлое может быть конфигурировано в единую правдивую канву. В том числе, видимо, и поэтому велик соблазн сопровождать «технологии бессмертия» процедурами контроля над массовым сознанием, воспроизвести на новом уровне упорядочивание желаний, устремлений, целеполаганий, обеспечить строгую дозировку получаемых знаний.

Уровень социальных институтов. Все ныне существующие, пусть находящиеся в достаточно кризисном состоянии социальные институты, при реализуемости «технологий бессмертия» окажутся окончательно подорванными. Наиболее явными, понятное дело, видятся уязвимости для традиционных институтов семьи, религии и образования. Не меньше сложностей на почве прорывных разработок возникает в политике и экономике. Например, никто не знает, каким образом совместить ускоряющуюся демографическую гонку, в которой пытаются участвовать наиболее перспективно ориентированные государства, с общепланетарным перенаселением; постоянно наращиваемый и фетишизируемый экономический рост с экологической нагрузкой на планету. Каждое правительство, лидеры государств заявляют и с разной степенью успешности стараются стимулировать рождаемость, исходя из интересов наращивания экономического и военно-стратегического ресурсов. Проще говоря – кого числом окажется больше, тот и сможет, кажется, выиграть или хотя бы частично проиграть в конкурентной борьбе, а, по сути, в той же войне. Тайное активное сражение за «эликсиры бессмертия» придает еще больший драматизм хорошо известным противоречиям, в рамках которых ожесточенным образом сталкивается государственническое и национальное с межгосударственным и интернациональным. Отсутствуют реалистические предложения по выходу за рамки данного тупикового конфликта локальных и цивилизационных интересов. Представления об «обществе бессмертных» конечно же подталкивают к выводам о высокой вероятности унификации и прозрачности функционирования социальных институтов. Но пока такого рода будущность воспринимается в большинстве своем как чересчур опасная, способная предоставить преимущество одним в ущерб интересам иных более слабых субъектов мировой политики.

Личностный уровень. Здесь мы выделим минимум четыре контраргумента в отношении бессмертия, базирующихся на привычной прагматической логике: смерть как

критерий сравнения; как избавление от обыденности жизненного уклада; как самооправдание и базис системы материального подчинения.

1) *Смерть как критерий сравнения.* Выше отмечалось, что благодаря нынешней быстротечности жизни существуют все наиболее распространенные меры сравнения, внутренние и внешние оценки: прожитого и совершенного; потенциально возможного в реализации и фактически осуществленного. Критерии успешности имеют зачастую отчетливый временной характер и соразмеряются со смертью: успеть сделать что-то, достигнуть чего-либо раньше всех, достигнуть вообще хотя бы к финалу жизни, не достигнуть вовсе;

2) *Смерть как избавление от обыденности жизненного уклада.* Сомнения и даже отторжение целесообразности продвижения к неограниченному жизненному ресурсу возникают и по причине того, что жизнь в ее нынешних коротких временных параметрах для значительного числа индивидов выступает мучением, не представляет особой ценности, достаточно тривиально и малоосмысленно протекает. Равно как и для тех, кто оказывается способен ее осознавать, жизненное существование превращается в унылое бремя. Очень быстро наступает разочарование от социального бытия в связи с его шаблонностью, порождая широко представленную в художественной и научной литературе традицию «скуки и усталости от жизни»;

3) *Смерть как самооправдание.* Предопределенность финализации физического существования – нередко повод, аргумент личностного и даже общественного самооправдания. Мы зачастую не знаем и особо не хотим знать, как организовать достойно, качественно, хотя бы минимально морально безупречно ограниченный ресурс социальной жизнедеятельности. А физический уход, в конечном счете, избавляет от любых объяснений. Потенциальное бессмертие может лишить человека соблазна откупиться за свое не слишком порядочное социальное бытие. Сложнее будет прятаться за «естественность» смертного исхода. В настоящих условиях имеет место перекалывание на высшие сущности оценки своего земного пути, выторговывание привилегий посредством их задабривания. Необходимость отчитываться перед собственной совестью и не убегать от самих себя в нынешних условиях – довольно мучительное занятие;

4) *Смерть как базис системы материального подчинения.* На боязни не обеспечить приемлемое, а лучше безбедное материальное существование к старости, физическому и интеллектуальному дряхлению выстроена многолетняя практика зависимости и подчинения. «Идеальное» безупречностью нравственное поведение обменивается и разменивается на «материальное» в значении выгодных должностей, статусов, прибыльных официальных и теневых ниш.

При условии реального достижения бессмертия вне упоминавшегося нейроталитаризма индивидуальная жизнь из местечковой, предельно узкоограниченной способна без страха приобретать качество вселенски бесконечной. Снимаются пределы и рамки самосовершенствования. До настоящего момента данное состояние могли переживать только высшие мыслители, способные поднимать дух и интеллект на вневременные, внеисторические пласты.

Другое дело, что одно лишь предположение о переходе к безграничному существованию обострило опасения в создании и функционировании общества инфантилов, бессмысленно живущих бездельников, которыми по-прежнему будет управлять небольшой процент наиболее активных и инициативных личностей. Последние станут, как и сегодня, находить обоснование собственному привилегированному положению в неспособности остальных к деятельной самореализации.

Таким образом, имеет место боязнь перспективы, неверие в здоровый потенциал социума. Любое прогнозирование реалистичности бессмертия неизбежно выходит на нелицеприятные и противоречивые суждения об «идеальном» обществе. Фантастичным представляется скорее не столько бессмертие, сколько наша возможность справиться с множеством неоднозначных и откровенно подлых сторон жизнеустройства. Во всех значениях зрелая жизнь, со зрелой системой межличностных отношений, включая зрелую любовь, – все эти и им подобные сентенции более чем

оторваны от действительности и предельно идеологизированы. Общество сопротивляется вероятности бессмертия, в том числе и поскольку не желает саморазоблачаться, слишком хорошо осознавая степень своей неразвитости, укорененности в привычность многих патологических форм организации общественной жизни. Поэтому даже призрачные абрисы перехода к обществу, обеспечивающему планируемые и индивидуально определяемые сроки жизненного существования, могут не выступить основанием для коренного изменения некрофилических практик.

И вновь о спекулятивности терминов «постгуманизм» и «постчеловеческое». Именно рассмотрение вариаций общественного развития на базе осуществления «технологий бессмертия» дает повод отчетливо утверждать неточность терминов «постгуманизм» и «постчеловеческое». Как представляется, в зримой для исследователей истории отсутствовал период, в котором утвердился бы гуманизм и собственно человек сообразно с мечтами религиозных и светских мыслителей в его социально ответственном, творческом и нравственном значении. Именно человеческого – без привычно критикуемой привязки к биологическим, читай животным корням – до сих пор не существовало. Таким образом, нельзя утверждать о наступлении последующего, т.е. «пост» периода без сравнения с самим, якобы состоявшимся, имевшим место этапом общественной эволюции. В этой связи хочется в очередной раз подчеркнуть, что «постгуманизм» и «постчеловеческое» вполне определенно будут или собственно гуманистическим и человеческим будущим, или негуманистическим и бесчеловечным. Причем бесчеловечное можно трактовать и в значении мироздания «без человека» как такового в результате рукотворной всеобщей катастрофы. Мы упираемся в дилемму: «общество бессмертных» станет либо человеческим как исключительно особенным, преодолевающим нынешние метастазы бесчеловечности, либо вовсе бесчеловечным, включая вариант ухода человеческой цивилизации с арены Вселенной. Зная самих себя, справедливо опасаемся не пройти проверку на человеческое, подлинно человеческое, безотносительно знакомых и распространенных форм и закономерностей существования живой природы. Ведь по-прежнему отсутствует представление о консолидированных и позитивных смыслах существования человеческого рода, которые выходили бы за пределы фабулы борьбы за выживание.

Также именно в ходе полемики о результатах биотехнологической революции, включая бессмертие, отчетливо проявляется необходимость более точно определять, что подразумевается под словосочетанием «природа человека». Данный термин часто трактуется и в значении собственно традиционной биологической предопределенности скофигурированности индивида, и в социальном контексте, подразумевая комплекс универсальных устойчивых поведенческих черт, потребностей и мотиваций. Именно бессмертие посягает на изменение обеих трактовок и пониманий человеческой природы. Если речь не будет идти о полном отказе человека от активной социальности и абсолютном встраивании его в атрибутивность пресловутых киборгов, подразумевая также прямой контроль за сознанием со стороны некой касты «верховных субъектов».

С размышлениями о природе человека в контексте предполагаемого бессмертия связана попытка понять: повсеместность смертности задает алгоритмы нашего социального поведения, включая его разрушительную составляющую, или же наша деструктивность не увязана с фактом конечности физического существования индивидов. В последнем случае вообще сложно предполагать приемлемую с гуманистических позиций будущность.

Итак, лишь весьма гипотетическое приближение к бессмертию высвечивает не совершенство, главные лики социального уродства человечества, страх его перед самим собой и неверие в собственный созидательный потенциал. Именно в таком смысле необходимо вновь говорить о действительной универсальной культурной травме [Тощенко, 2017; Штомпка 2001]. Она базируется на неудачности предшествующих попыток сопряжения теории гуманистических социальных преобразований и общественно-политической практики. На травме, вызванной колоссальным

опытом трагедий и провалов, инициированных достижениями прогресса. На данном основании складывается вывод: бессмертие для нынешних социальных отношений – перспектива общественно опасная.

Сражение за вечность, по сути, – борьба человека за контроль над самим собой и обстоятельствами. Только в таком случае потенциально каждый может овладеть любыми навыками, стать более чем универсальным, не опасаясь упустить ограниченную во времени и пространстве выгоду. Вариант исправить ситуации, обстоятельства и исправиться личностно становится абсолютным. Но все это упирается в боязнь и неспособность жить и взаимодействовать в более сложных, если хотите, более деликатных условиях и системе отношений.

Конечно, обозначаемые сегодня характеристики ограничены сложившейся и сформировавшей нас культурой быстротечной жизни. Она породила сознание, которому одновременно сложно, если вообще возможно, вырваться из условий и условностей всеобщей конечности, и наряду с этим стремиться постигнуть то, в чем никогда не пребывало.

В прикладном ключе интересно было бы продолжить исследовательский поиск определения к неограниченному долголетию, распространив его на самые различные социальные группы, социальные институты, выводя задачи на планку глобального социума. При этом утверждать, что оценка и анализ вариаций последствий продуктивного бессмертия должен происходить на междисциплинарной основе – означает произносить банальности. Именно данная проблематика подталкивает к нивелированию разрозненности социологических, философских, психологических да и всех иных граней восприятия жизнедеятельности. Равно как одно лишь обозначение перспектив бессмертия выступает реальным поводом переоценивать в теоретическом и практическом планах общественные взаимоотношения в их противоречивом, преимущественно шизофреническом виде.

Выводы. Промысливание, моделирование и прогнозирование последствий перехода человечества в стадию программируемого длительного существования с вероятностью достижения бессмертия более не выглядит фантастической задачей. Бессмертие на настоящем этапе целесообразно рассматривать исключительно в качестве социальной проблемы. Его следует оценивать в значении индикатора – слабого, фактически безнадежного, но все же проблескового в поиске почвы обновленного существования для мечущегося в самоагонии человечества.

Последовательное продвижение к миру «очистившихся» людей без угрозы апокалипсиса, без прерывания индивидуальной и исторической памяти, без ожидания чуда от потусторонних сущностей представляется неосуществимым. Скорее видится мир очередных иерархий, более модифицированных, оцифрованных и жестко контролируемых.

«Технологии бессмертия» лишь потенциально дают предпосылки к «идеальной» форме социума без двойной морали, двойной институциональности и иных хорошо известных нам подоплек. Они в очередной раз актуализируют необходимость синхронизации социально-экономических ритмов, задействования всех наработок по менее конфликтному взаимодействию на экономическом, политико-административном, демографическом, ценностно-смысловом и иных многих уровнях. Кроме того, выступают очередным толчком и значимым поводом задуматься, каким образом практически решать проблему всеобщего самоопределения в пространстве, выходящем за рамки узко земного существования.

Но человечество не готово к самому себе истинно человеческому. Скепсис в отношении благоприятных перспектив от реализации «технологий бессмертия» вызван многовековой практикой. Ни одно считавшееся в свое время революционным изобретение не позволило обществу по-настоящему перейти на ощутимо более гуманный уровень взаимоотношений. Именно в этом в первую очередь состоит настоящая и глубочайшая культурная травма, которую переживают отчаявшиеся гуманисты.

Возможно, даже скорее всего, бессмертие не будет достигнуто. Но лишь появление толики вероятности приближения к неограниченности жизненного ресурса

оказалось отчетливым зеркалом, отразившим каверзы, противоречивости и социальную патологию общества временно физически живущих.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Луков В.А. Российская молодежь о биологических проектах «улучшения» человека // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 73–81.
- Кравченко С.А. (ред.) «Нормальная аномия» в России и современном мире: коллективная монография. М.: МГИМО-Университет, 2017.
- Романовский Н.В. Метатеоретизирование в социологии: дискурс и прогноз // Социологические исследования. 2018. № 2. С. 127–135.
- Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001.
- Тощенко Ж.Т. Травма как деформация эволюционного и революционного развития общества (опыт социологического теоретизирования) // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 16–26.
- Халявкин А.В. Социолог как конструктор будущего общества долговечных людей // Материалы VIII международной социологической Грушинской конференции «Социолог 2.0: трансформация профессии», 18–19 апреля 2018 г. М.: ВЦИОМ» 2017. С. 120–124.
- Фромм Э. Вы будете как боги. М.: АСТ, 2013.
- Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

Статья поступила: 03.07.18. Принята к публикации: 20.08.18.

IMMORTALITY AS A SOCIAL PROBLEM

YAKOVENKO A.V.

Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Ukraine

Andrei V. YAKOVENKO, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Department of Sociology, Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk, Ukraine (daoav@rambler.ru).

Abstract. Emphasis is placed on the fact that in recent years the reasoning about admissibility of creating technologies to significantly increase lives of individuals, and as a result, achieve immortality, has passed from the pseudoscientific into the objective category. The society in a sense is posing expectations of the realizability of “immortality technologies” in a tangible perspective. Therefore, it seems reasonable to analyze real and imaginary obstacles to achieving immortality on the basis of taking into account fundamental interests, habits and fears that create environment of rejection and resistance, even to the hypothetical possibility of moving to “immortal society”. It is pointed out that the discussion of this topic seems absurd, given the danger of human civilization transition to the phase of open, full-scale conflicts, and also taking into account the informed attributes of culture, based on the mortality of individuals, groups and macro-communities.

In this regard, immortality is viewed as a social problem, since it is a force for the removal of anticipations and fears in the finiteness of the earthly path that shows the society’s unpreparedness for normal, meaningful, creative functioning. At the general social level, a reproducible bundle of “threat-security-threat” has been formed, at the level of social institutions, created dependency attributes will be difficult to refuse, in the case of immortality. On the personal level, several counterarguments are given with respect to immortality emanating from the current pragmatics of existence.

Keywords: immortality, fear, interests, hierarchies, personality, humanity.

REFERENCES

- Fromm E. (2013) *You will be like the gods*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Halyavkin A.V. (18–19 Apr. 2018) Sociologist as the designer of the future society of long-lived people. In: *Materials of the VIII International Sociological Grushin Conference “Sociologist 2.0: Transformation of the Profession”*. Ed. by A.V. Kuleshov. Moscow: VCIOM: 120–124. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2017) *“Normal Anomie” in Russia and the Modern World: a collective monograph*. Moscow: MGIMO-Universitet. (In Russ.)
- Lukov V.A. (2018) Russian youth about biological projects of “improving” a person. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 4: 73–81. (In Russ.)
- Romanovskiy N.V. (2018) Metatheorization in Sociology: Discourse and Forecast. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 2: 127–135. (In Russ.)
- Shtompka P. (2001) Social change as a trauma. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 1: 6–16. (In Russ.)
- Toschenko G.T. (2001) *Paradox man*. Moscow: Gardariki. (In Russ.)
- Toschenko G.T. (2017) Trauma as a deformation of the evolutionary and revolutionary development of society (experience of sociological theorizing). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 4: 16–26. (In Russ.)

Received: 03.07.18. Accepted: 20.08.18.